

Надежда Сомерсет

Мир женщин. Клятва

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С61

Сомерсет Н.

С61 Мир женщин. Клятва / Надежда Сомерсет. – М.: Литнет, 2026. – 302 с.

ISBN 978-5-521-99708-4

Говорят – жизнь на земле похожа на ад, так ли это? То, куда тебя занесет после смерти – сродни калейдоскопу: мир полный красок, но полный ли счастья и рай ли эта земля?

Клятва, данная одному мужчине, может стать в будущем договором к свободе или проклятием. Как посмотреть! Мое мнение, что уже никто не спрашивает? Да и что значит: он против расторжения договора? И что значит, что договор магический и расторжению не подлежит? Да и оказывается я спасительница мира... Знаете, я свободная женщина и сама могу решить куда мне идти, что мне делать и как мне жить! А вы молодой человек подвиньтесь, не заслоняйте солнце, я может еще и позагорать хочу, ну кроме спасения мира и других таких нужных дел.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99708-4

© Литнет, 2026
© Сомерсет Н., 2026

Ситуации, в которых человек сам определяет цену своей жизни, называется философией смысла жизни.

Глава 1

Новогодняя ночь. Тишина. Вокруг, конечно, есть люди, но никому нет дела до тебя, до твоего одиночества. Подруги, друзья, дети, муж – всё это в прошлом. Теперь ничего нет. Есть только ты и твоё одиночество. Но даже в нём, говорят, можно найти друга, семью и того, кто выслушает.

Перед заснеженным окном, в самом сердце снежной Сибири, стояла девушка. Небольшой деревянный дом, сладкий запах печки. На ней – короткое кремовое платье, на ногах теплые тапочки, в руках – стеклянные шарики для ёлки. Длинные прямые волосы. Она смотрела в окно, следила за медленным падением снежинок, за качающейся веткой, видела сквозь морозные узоры. И вспоминала тот год, когда потеряла всё и всех – за один удар сердца.

Разве так бывает? Бывает. Оглядываясь назад, она видела лишь кровь и тела родных у обломков самолёта. В ту роковую ночь она лишилась всего. Даже нерождённого ребёнка. Она умирала дважды: в миг столкновения с землёй и тогда, когда поняла, что пуста. Совершенно пуста. Её живот будто прилип к позвоночнику. Её реанимировали – чтобы жила, помня о том, что никогда уже не свершится. Никогда.

Но теперь её жизнь – здесь и сейчас, в этом богом забытом мире, где есть только снег, ветер, мороз и вой волков.

Этот дом – подарок её деда. Он так мечтал о севере, что купил этот сруб в зимнем лесу, но так здесь и не появился. Зато теперь

здесь она. В её арсенале – ружьё, патроны и уйма времени, чтобы продумать жизнь дальше, чем на один день.

Вернуться в большой мир? Кто её там ждёт? Свекровь отвернулась, узнав, что та потеряла её внука. Зачем ей невестка, которая выжила, когда её сын, любимый сын, – погиб? Родных нет – в той аварии погибли все, летевшие на отдых. Спасло её лишь то, что она отошла в туалет, да то, что спасатели вскрыли её обломок первым, сумев завести её сердце. Фирма отца, их фирма, больше не её. Её не захотели видеть во главе, откупились пожизненным содержанием и отправили «отдыхать».

Разбирая бумаги на полу родового особняка, вспоминая всю свою жизнь, она и нашла среди них купчую на этот дом. Арендовать домик и завезти сюда продукты на месяц – с этим она справилась.

И вот светловолосая девушка, оказавшаяся одна среди снегов, поняла: а ведь это, возможно, и есть счастье. Тишина. Молчание. Её удел на этот месяц. Но стоит ли оно того?

Новогодняя ночь дарит надежду и ожидание чуда. Но девушка с красивым именем Лина не ждала его. Этот год был для неё слишком страшным. Просить чуда? Зачем, его не будет. Просить будущего? А будет ли оно? И она попросила смерти.

Наряжая срубленную собственными руками ёлку, она попросила у Бога тихой смерти. Чтобы умереть и больше ничего не помнить, забыть всё и начать с чистого листа. Она не хотела больше боли. Бокал вина в руке, улыбка на лице – она взывала к чуду у всех богов, которых знала, к тем, кто мог услышать и помочь.

Желание загадано. Осталось помочь богам его исполнить. Она натянула куртку и вышла на улицу, в мороз, туда, где ей точно не рады. Ветер трепал полы лёгкого платья, не спасавшего от холода, пытался оттолкнуть обратно к теплу. Мороз жег голые ноги, заставляя прыгать от боли, но девушка ничего не замечала. Она сделала шаг вперёд и упала в снег.

Снег и мороз будто отступили перед ней – им здесь больше нечего было делать. Теперь дело было за снежинками. Она была потеряна

для этого мира навсегда. Снег начал своё движение туда, где лежала девушка, свернувшаяся калачиком и уткнувшаяся лицом в ладони, беззвучно плача от боли. Снег укрыл её, как покрывало, унося все беды, забирая тревоги, успокаивая и убаюкивая.

Ветер захлопнул дверь маленького дома. Мороз осторожно проник внутрь через трубу на крыше, умиряя огонь в печи, – раз хозяйка спит, значит, и ему пора на отдых. Он заползал в комнаты, уговаривая всё замереть, уснуть. Затихла колотушка на кухне, перестало поскрипывать кресло-качалка. Всё уснуло. Всё замерло.

Желание исполнено. Мороз мог уходить. Печально оглядев дом, ветер надломил тяжёлую ветку сосны и бросил её точно поперёк двери, наглухо закрыв выход. Чтобы не дать ей открыться. Чтобы не потревожить ту, что навек уснула в снегу, той, которой теперь снится совсем другая жизнь – не та, что оборвалась в этой.

Бойся своих желаний...

– Эй, Линария, вставать собираешься? Господин уже проснулся и требует свой завтрак!

Резкий толчок в плечо отозвался ноющей болью в спине. Линария уткнулась лицом в подушку, чувствуя тепло – тепло от одеяла, тепло от камина. А запах свежесдобитых булочек, разносящийся по комнате, сводил с ума, заставляя желудок болезненно сжиматься.

Черноволосая девушка открыла серые глаза, едва сдержав крик. Она лежала на широкой кровати. Кремовые стены небольшой комнаты, деревянный потолок. Села и увидела у стены вторую такую же деревянную кровать, только что застеленную легким домотканым покрывалом. Камин, потертый ковер под ногами, маленький столик с двумя стульями у стены, на окне – длинные тяжелые шторы под цвет всего интерьера, кремового. Вся эта комната напоминала Лине дешевый отель, но сейчас даже отель у дороги показался бы ей диковинкой.

– Вставай, соня! Еще минута – и хозяин будет недоволен, – ей бросили в руки черное платье. Линария подняла глаза. Перед ней стояла худенькая девушка лет шестнадцати. – Лина! Вчера ты, кажется, была сама не своя, но ведь господин не так уж сильно тебя и побил, чтобы валяться полумертвой почти до обеда.

«Побил? Где я вообще?»

– Ай, ну брось! Ну, ударили пару раз плеткой по спине, не велика барыня – все такое выдерживают. В нашем мире по-другому нельзя, сама же знаешь: женщин много, а мужчин – раз, два и обчелся. Так что, не будешь ты чистить ему башмаки – найдут другую и отправишься, подруга, в деревню, коровам хвосты крутить, а там из мужиков один старик-управляющий. Вставай, хватит дуться. Да и что нам еще делать в мире, где женщины – мусор, а мужчины – боги? Хочешь ребенка или расположение мужчины – терпи, – выговаривала ей девушка, почти ребенок, мелясь по маленькой комнатке.

Лина встала, быстро ополоснула лицо и оглядела себя в небольшом зеркале над раковиной: густая грива черных волос, тонкие руки, плоский живот, талия, которую можно обхватить ладонями... Но лицо, которое смотрело на нее из миниатюрного зеркала, привело в шок. Девушка лет восемнадцати, розовые губки, тонкий носик, брови вразлет и серые глаза. Да, от *той* Лины остались только глаза – серые, будто туман над морской глубиной. Но она помнила: в гневе в них бушевала не туманная дымка, а черная буря, сметающая все на пути. Лина еще раз оглянулась. То, что она видела, никак не могло быть ее особняком в Новосибирске или, на худой конец, домиком в лесу. Обстановка была под старину: большие, кажущиеся удобными кровати, перина и мягкий, хоть и потертый, ковер. Больше всего радовал глаз камин, на полочке которого стояли миниатюрные фигурки – мужчины и женщины в прекрасных длинных белоснежных платьях и черных фраках, танцующие лишь им ведомые танцы.

«Кто же я? И где?»

Спина горела, но сильной боли не было – так, пара ссадин. Неужели здесь и вправду применяют телесные наказания к женщинам? Она быстро надела черное платье – довольно удобное, между прочим. Пышная юбка в пол, корсета нет, но твердая ткань обтягивала грудь и ребра, белоснежный воротник, длинные рукава... Платье сидело на ней идеально.

– Слушай, а ты изменилась! Вчера оно висело на тебе, как балахон, а сегодня – как влитое, – незнакомка всплеснула руками. – Ладно, пошли уже! Пора подавать и убирать после ночных походов хозяина. Вчера его развлекали две служанки из дома господина Ганара, а ты же знаешь, как тот своих девушек обучает. Оттуда выходят такие искусные любовницы, что на нас после них и взглянуть не захотят. Говорят, там их специально учат всяким фокусам, чтобы мужчина на стенку лез после ночи с такой, но желал ее всем телом и сердцем, – тараторила она, не замолкая ни на секунду.

«И зачем мне это слушать? Ну, пришла к нему парочка девочек по вызову, а мне-то что с этого?» – думала Линария, двигаясь чуть позади.

– Что-то ты тихая сегодня? Не иначе, заболела? Линария, болеть нельзя – выпоят сразу же. Так что, подружка, давай приводи мысли в порядок и на кухню! – Ее подтолкнули вперед, и она двинулась за девушкой, спешащей вниз по крутой лестнице – туда, откуда и разносился по всему дому опьяняющий аромат булочек.

А на кухне шел разговор кухарки и управляющей, куда более интересный для Лины.

– Это ж что теперь будет, мисс Олтелл? Если нашего хозяина посадят за убийство, что же нам-то делать? Нас же всех распродадут по домам! – в отчаянии заламывала руки дородная кухарка в белоснежном чепце, не скрывавшем густую гриву каштановых волос.

– Ну-ну, милая, вас уж точно брат хозяина к себе заберет. Ваша еда ему очень понравилась, в прошлый визит он вас непременно хвалил, – успокаивала ее миловидная худощавая женщина в черном

чепце. Заметив входящих девушек, она остановила их. – Милые мои, сегодня вашему господину нужны не вы, а хороший друг. Увы, вы на эту роль не подходите. Можете подняться к себе и не выходить, пока не позовут.

Лина, подражая девушке, склонила голову, и они дружно направились обратно, прихватив поднос с завтраком – пару булочек и кувшин с молоком. Как могла заметить Лина, длинный коридор на их этаже, разделенный на миниатюрные комнатки, сегодня был необычно оживлен. Женщины и девушки разных возрастов переходили из комнаты в комнату, и повсюду слышались приглушенные разговоры.

Лину и ее соседку по комнатухе, которую звали Иса, быстренько захватили в плен две рыжие сестры. Усадив их на кровать, те принялись взахлеб рассказывать сплетни, добытые из первых рук.

Оказалось, одна из приглашенных девушек была беременна – скрыть живот помогла магия морока. Лина тут же отметила про себя, что узнать об этом мире, в который она попала по всем канонам китайских дорам, ей просто необходимо, и потому тихонько сидела, поедая свой завтрак. Но их хозяин по незнанию был слишком напорист, и девушка разродилась прямо у него на кровати. Ребенок, конечно, не выжил. Тело роженицы забрали для расследования – без помощи она просто истекла кровью, а их хозяина уже допрашивали в кабинете. Хозяин «девушек по вызову» был в ярости, требуя компенсацию за ребенка и его мать, а их хозяин отказывался платить. Кстати, владельца дома, в котором очутилась Лина, звали Тебальт Боху. Его портрет висел над кроватью одной из рыжих сестер, и она с воодушевлением рассказывала о мечте стать его фавориткой и родить сына. Оказывалось, родить сына – величайшая честь для любой женщины, так как уже пятьсот лет в этом мире почти не рождались мальчики.

«Как долго тут живут? Похоже, родить сына мечтает любая, кто старше двенадцати. Но как врач могу сказать: природа

все равно сделает по-своему в последний миг. А девушку жалко. Интересно, как выкрутится «мой» хозяин из этой переделки? Девчонку же явно подсунули ему специально. Если знали его нрав – это чистый развод на деньги. Если к женищинам относятся лишь как к инструменту... что ж, я почти рада, что хоть кто-то получит по заслугам», – Лина поежилась. Спина горела, и даже если вчера плеткой били не ее, а прежнюю хозяйку тела, то сегодня эта боль и горечь принадлежали ей.

– Ой, девочки, как же это, наверное, хорошо – когда тебя любят? – одна из рыжих сестер, расположившись прямо на ковре, заламывала руки, представляя, как ее будут любить и целовать.

– Забудь. Нам ничего не светит. Мы лишь прислуга, так ею и останемся, – резко оборвала ее вторая, гневно стрельнув глазами в сторону портрета господина.

– А давайте пошалим? – Иса слезла с кровати и задрала юбку до колен, зазывно поглаживая оголенные бедра.

Лина встала.

– Простите, но мне нужно в туалет.

Нет, она была не против их игр. Лет семь назад она, движимая любопытством, приняла участие в лесбийских утехх – не сказать, что ей понравилось, но и не тошнило. Просто сейчас было не до того.

– Лина, эх, Лина! Тебе же всегда нравилось? Ты же была самой раскрепощенной! Ну, пожалуйста! – Иса задрала юбку еще выше.

Лина остановилась, широко раскрыв глаза. Так ее «товарка», бывшая хозяйка этого тела, любила «пошалить»? Нет, она еще не готова принять этот мир в таком виде.

– Нет, сестренка, сейчас нет настроения. Я в туалет.

– Ну и ладно! А мы пошалим! – Иса перебралась к сестрам, которые уже облизывались и задирали свои юбки, предвкушая сладкие часы удовольствия.

«Если разобраться, если не хватает мужчин, то женищины находят альтернативу – так же, как и мужчины. Это было, есть

и будет. Но этот мир... странный. Генетика должна уравнивать мужское и женское начало. Но ведь в прайде лев один, а львиц много. На Востоке гаремы и многоженство узаконены. Однако в таком убогом мире, где на огромный особняк – сотня женщин, а мужчина один... Нет, так не должно быть! Один самец не сможет качественно оплодотворить такое количество самок, система рухнет. Что же здесь происходит? Всем женщинам тайно дают противозачаточное? Или это в порядке вещей?»

Лина остановилась на лестнице, задумавшись. *«Да, это было бы логично... Но как жестоко».*

– И о чем же, милая мисс, так громко размышляет, стоя на лестнице?

Голос был мягким, обволакивающим, немного грудным.

Знакомство...

Лина обернулась. Перед ней стоял типичный представитель мужского пола с лёгкой пренебрежительной усмешкой на лице и короткой щетиной, которая, между прочим, ему ужасно шла. Он был в обтягивающей чёрной майке и таких же брюках, подчёркивавших узкие бёдра, накачанный пресс и широкие плечи. Его довольно длинные чёрные волосы были небрежно уложены и волнами спускались на плечи, скрывая прижатые уши и открывая широкие скулы. На смуглом лице ярко выделялись изумрудные глаза.

«И что мне теперь делать – поклониться, покраснеть или сбежать? Да ладно! Я что, мужчин не видела? Или мне неизвестно, что у него в штанах? Ладно, буду хорошей», – подумала Лина и сделала реверанс, едва удерживая равновесие на высоких узких ступенях.

– Я вас не припоминаю, мисс. Давно вы у меня? Как вас зовут? – спросил незнакомец. Хотя какой же он незнакомец – Лина видела его портрет в комнате сестёр. Перед ней был тот самый ма-чо – Тебальт Боху.